

Морозов Николай Аполлонович

Тактика пехоты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Аполлонович М.**
Тактика пехоты / Морозов Николай Аполлонович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 116 с.

ISBN 978-5-519-97482-0

ISBN 978-5-519-97482-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

великая северная, семилетняя, гражданская война Сев.-Амер. Соединенных Штатов 1861—1865 г.г. и, наконец, войны последнего времени.

Одно беглое сравнение хотя бы только продолжительности войн эпох расцвета и упадка уже достаточно показывает, чего стоят войны, когда нет умения водить войска у обеих сторон, или хотя бы у одной стороны, численно значительно сильнейшей, когда войны ведутся войсками плохо организованными и невыученными, в чаянии задавить противника одною численностью и материальным перевесом, когда, хуже того, войска создаются и учатся на самой войне, на самом дорогом опыте—опыте крови.

Не даром же, касаясь этого вопроса, говорит Суворов: „Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут проистекать от искусства“.

Раз война возникла,—священный долг военных уметь ликвидировать ее в кратчайший срок с наименьшим ущербом для человечества.

А путь к этому один: постановка военного искусства на должную высоту еще в мирное время.

Война, конечно, бедствие, и страшное бедствие, но пока не уничтожена в корне самая возможность возникновения столкновений между народами, нелепо и преступно отрицать и забрасывать военное искусство, то искусство, владение которым всегда сберегало и сберегает на войне многие миллионы жизней и миллиарды денег.

Пожар тоже есть бедствие; можно и должно бороться с пожарами, но нельзя упразднять пожарное дело и пожарных, пока не уничтожена в корне самая возможность возникновения пожаров.

Тем нелепее отрицание военного искусства, особенно в устах детски-невежественных людей, не знающих даже толком, что они отрицают и восстающих против военного искусства под тем предлогом, что не может быть искусства „убивать людей“.

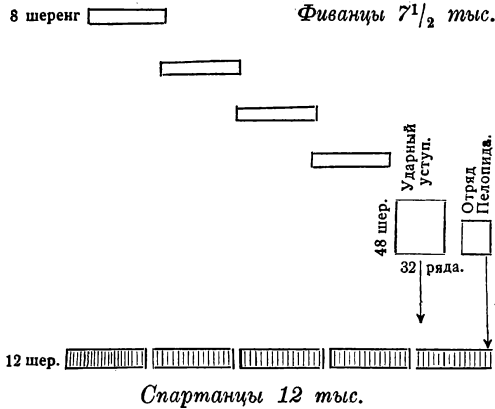
б) Сущность военного искусства.

В основной идее своей военное искусство весьма просто, покоясь, главным образом, на том принципе, что для победы вовсе не надо бить врага сразу на всем его фронте, а достаточно, собрав превосходные силы, сначала нанести ему поражение всего в одной точке, а затем уже быстро развить этот частный успех в общую победу, разбивая войска противника по частям.

Как вода обыкновенно не сносит сразу всей плотины, а сначала промывает только одно место и лишь затем, смывая края образовавшегося протока, постепенно уничтожает всю запруду, так и войска на

войне должны стремиться сначала обогнуть или прорвать фронт противника всего в одной точке, а затем суметь уничтожить его по частям.

Сражение при Левктрах.

Далеко не нов секрет этого искусства. Применен он еще в древности за 371 г. до Р. Х. Эпаминондом в бою при Левктрах. Имея всего 7 1/2 тыс. пехоты против 12 тыс. лучших воинов того времени — спартанцев, Эпаминонд против равномерного построения спартанской армии в 12 шеренг строит свою армию в 8 шеренг, и за счет этого ослабления всего фронта создает ударный уступ в 48 шеренг в одном месте,

присоединяя к нему отборный отряд Пелопида. Уступ этот он выдвигает вперед, пуская в охват отряд Пелопида, а одновременно задерживает движение остальной армии. Уступ, атакуя первым, разбивает правый фланг спартанцев, а затем, повернув направо, мнет остальную их линию, не успевшую еще схватиться с фиванцами.

Сражение это является таким образом эрой в истории, ибо с этого-то времени на полях сражений торжество грубой силы уступает место уму и таланту. Не даром, говорят, сам Эпаминонд, умирая от смертельной раны, полученной в следующем, тем же способом выигранном сражении при Мантинее, ответил на сожаления друзей, оплакивавших его бездетность: „Я оставляю вам двух дочерей: Левктры и Мантиней“.

На принципе Эпаминонда строили свое искусство и все последующие великие полководцы; принцип этот находит себе применение и независимо от величины сражающейся части: его одинаково применяет и армия, воюя с армией, и рота против роты.

Рельефно подчеркнул значение этого принципа в новейшие времена Наполеон, объясняя свои громовые победы над значительно превосходящими силами противника.

„Но и в этом случае,—говорит он,—все же меньшие силы претерпевали поражение от больших сил. Имея против себя превосходную по числу армию, я, как молния, бросался на ее фланг, разбивал его, пользовался смятением неприятеля и кидался опять со всеми силами на другие пункты. Таким образом наносил я поражения по частям, и победа, которую я одерживал, была не что иное, как победа сильнейшего над слабейшим“.

Итак, по идее своей—в теории—военное искусство весьма просто.

Далеко не таковым, однако, является оно на практике при выполнении, где возникает всегда целый ряд препятствий, подчас совершенно непредвиденных для слабого ума человеческого, где прежде всего сам противник далеко не похож на мертвую плотину, протачиваемую водой, или на кроткого агнца, ведомого на заклание, а движется и воюет по тем же принципам, стремясь с своей стороны применять тот же рецепт победы.

Поэтому война не есть применение одного голого шаблона, сухой формулы победы: это состязание двух сторон,—состязание, из которого победительницей выходит искуснейшая, умеющая лучше применять на деле основной принцип военного искусства.

„Война—прежде всего искусство простое, и все дело заключается в выполнении“, говорит Наполеон, а как известно, именно самые простые в теории вещи труднее всего даются человечеству на практике. Чтобы окончательно убедиться в этом, достаточно бросить хотя бы беглый взгляд на принципы военного искусства в применении их на практике, и раскрыть хотя бы отчасти, как много заключается в той простой формуле победы, которую оставили нам великие полководцы.

Не касаясь вообще исследования принципов военного искусства, ибо это не входит в задачу настоящего курса, достаточно остановиться на тех из них, уяснения которых нужны для изложения тактики пехоты и лишь в той мере, в какой это вызывается потребностями данного предмета.

в) Принципы военного искусства.

Принцип частной победы.

1. Выбор места и направления удара.

„Чтобы победить, необходимо быть сильнее противника в данном пункте в данный момент—вот все“, коротко сказал Наполеон, в высшей степени просто определив основной принцип военного искусства.

Однако, суровая действительность показывает, что далеко еще не просто дается на войне один выбор пункта удара.

Прежде всего далеко не все пункты неприятельского расположения одинаково важны, не всякий поэтому удар даже при успехе может быть смертельным для врага. Под Аустерлицем, например, Наполеон совершенно спокойно смотрит, как союзники ищут слабого места у него на правом фланге, не имеющем уже для него значения, и наносит в ответ громовой удар в центре.

Настолько трудно вообще на войне верно определять пункт удара, что ошибался в этом вопросе и сам Наполеон. Так, в 1812 г. он думает сразить русских занятием Москвы, идя на деле этим путем к собствен-

ной гибели. В 1814 г., оставляя Париж и выходя в тыл союзникам, он опять полагает этим ударить по самому слабому месту противника, а на деле последний спокойно продолжает марш на Париж, и его занятием наносит самому Наполеону смертельный удар.

Не легко выбрать пункт для удара в бою даже ротному командиру, тем труднее решение этого вопроса для старших начальников.

Недостаточно, однако, даже безошибочно выбрать пункт удара, надо еще уметь вести его в должном направлении, с должной подготовкой. Общеизвестно, что выгоднее бить противника во фланг и тыл, чем в лоб, однако, для этого надо еще раньше обнажить свой фланг и тыл, рискуя за это получить удар, подобный удару Наполеона союзникам при Аустерлице.

Общеизвестно, что атака должна быть подготовлена и маневром, и огнем, однако, и то, и другое надо еще уметь организовать и провести.

2. Выбор времени для удара.

Столь же важно ударить врага и во-время, пока он сам не успел ни нанести своего удара, ни парировать ему наносимого. Иначе легко обратить в поражение наилучше задуманную операцию. Гибельно обыкновенно вести атаку, когда целы пулеметы обороняющегося и силен его огонь, поздно бросаться в штыки, когда в окопах никого нет и противник уже успел занять новую позицию, для овладения которой нужны новые усилия и жертвы.

3. Сосредоточение превосходных сил.

Нелегко добиться и сосредоточения превосходных сил в пункте удара не только в духовном, но и в чисто материальном отношении. На войне обстановка всегда туманна, намерения противника неизвестны, опасность грозит отовсюду, хочется поэтому все прикрыть и защитить. Силы, естественно, разбрасываются и распыляются. Поэтому только начальник, сильный духом и умеющий верно оценивать значение различных пунктов и направлений, умеет и распределять силы по сравнительной важности этих пунктов и направлений, собирая на важнейшем подавляющее превосходство, избегая вытягивания войск в одну тонкую, везде слабую линию.

Так, в 1796 г. Бонапарт, имея всего тридцать пять тысяч, приводит к пункту решительного боя тридцать тысяч, а одновременно австрийцы сосредоточивают туда же только 20 тысяч из 80-ти, у них имеющихся.

В любой стычке совершенно также редкий ротный, батальонный командиры умеют оставить на всем фронте противника один взвод, роту, а остальные силы сосредоточить в одну точку, против пункта удара. Много чаще силы равномерно распыляются перед всем фронтом противника, и там, где от степени удачи зависит успех всего дела, оперирует небольшая кучка людей.

4. Развитие частного успеха в общее поражение.

Наконец, даже самый полный успех, увенчавший операцию в данной именно точке, далеко еще не знаменует полного поражения противника. Надо еще уметь этот частный успех обращать в общую победу разбивая и прочие войска противника по частям, не давая им ни сосредоточиться, ни вздохнуть, ни собраться для ответного удара. Иначе первоначальный успех легко может обратиться в собственную неудачу или в лучшем случае свестись к нулю.

Трудно после первоначального успеха двигать вперед на новые жертвы и лишения войска, всегда склонные считать достигнутый успех венцом своих усилий. Еще труднее развивать этот успех, не расплыясь и не подставляя слабых мест подходящим резервам противника. А между тем только энергичное и умелое развитие первого успеха может дать настоящую победу, окупить понесенные жертвы.

В боях 14 октября 1806 г. у Иены и Ауэрштедта до 25% потери несут французы против 12%, понесенных пруссаками. Зато в преследовании почти исчезает прусская армия. Чем больше величина сражающихся армий, тем труднее развивать преследование, тем легче оживает побежденный, и вырождается война в ряд длительных, упорных, кровопролитных безрезультатных операций.

„Недорубленный лес вырастает,—говаривал Суворов,—и все труднее ныне искусство рубить этот лес до конца“.

Минувшая война 1914—1918 г. г. дала целый ряд удачных прорывов, частных побед, но без широкого использования этих успехов, почему и представляла она многолетнюю кровавую бойню без решительных результатов.

Поэтому возродить при нынешних огромных фронтах былое искусство молниеносного развития первого успеха, не давая противнику уйти, устроиться и вновь наносить свои удары, является насущнейшим вопросом нашего времени, без разрешения коего война окончательно грозит выродиться в кровавую бойню, в одну игру на истощение, почти одинаково разорительную и для победителя, и для побежденного.

Итак, суммируя все изложенное, уже видно, сколько самых разнообразных и сложных вопросов вызывает совершенно простой в теории принцип частной победы, как только дело касается его приложения на практике.

Во всяком деле всегда имеется свой так наз. „гвоздь“, найти который и уметь на нем сосредоточить усилия значит решить все дело. Таким гвоздем в военном деле и является принцип частной победы.

Однако, на одном этом принципе не основывается еще все военное искусство.

Самая лучшая, самая продуманная и на основании этого принципа подготовленная и рассчитанная операция может рассчитывать на успех только в том случае, если налицо будет еще целый ряд условий, и прежде всего—внезапность действий.

Принцип внезапности.

Человек так уже устроен, что он боится не столько самой опасности, сколько внезапности ее появления.

„Что бы это ни было—приятное или грозное, чем меньше его ожидают, тем больше причиняет оно удовольствия или страха. Никогда это так не замечается, как на войне, где всякая неожиданность приводит в трепет даже наиболее сильных духом“ (Ксенофонт).

Не от самой опасности, подчас совершенно ничтожной, бежит обыкновенно человек, а от величины того призрака, который придал он сам этой опасности в душе своей. Поэтому сплошь да рядом одни и те же войска то выдерживают до 50% потерь, то сдают от 4—5%.

Мало того, всякий маневр, всякий удар на войне имеет свой контр-маневр, свой контр-удар, безусловно его парирующий и обращающий в поражение, если только не упущено время. И только внезапность, поражающая воображение врага и путая его расчеты, не дает ему времени на парирование наносимого удара.

Таково значение внезапности, а потому сплошь да рядом не столь важен на войне сам план действий по своему замыслу, сколько умение приводить его в исполнение совершенно неожиданно для противника. Достигается эта неожиданность на войне двумя путями: путем скрытности и путем быстроты действий.

1. Скрытность.

Скрытность требует, с одной стороны, умения держать в глубокой тайне свои предположения, с другой—искусства скрывать от глаза противника до последней возможности передвижения войск.

Умение хранить тайну поэтому—одно из самых неперемных достоинств военного человека. Недаром, говорят, Суворов уверял, что он сжег бы свою шляпу, если бы она знала его планы.

Образцом умения сохранять в тайне свои приготовления является формирование Бонапартом резервной армии в 1800 г., когда ее появление в Италии явилось полной неожиданностью для австрийцев. Обратным примером является русско-японская война, когда по нашим телеграммам в газетах японцы могли совершенно точно считать, какие части и когда прошли Урал, а о набеге Мищенки задолго до его осуществления говорили весь тыл.

Умение скрывать свои передвижения от глаз противника есть искусство, требующее не только предусмотрительности старшего начальника, но и, главным образом, хорошей выучки войск, их умения применяться к местности, пользоваться ею. Требуется оно и верного глаза, и наблюдательности, и находчивости, и хорошей постановки службы разведки и охранения. Однако, все старания скрыть свои действия могут иметь успех лишь до известной минуты, а затем все равно эти действия будут раскрыты, и тогда остается лишь один способ добиться внезапности: быстрота действия, не дающая противнику времени изготавиться.

2. Быстрота.

„На войне деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, время дороже всего“, определил Суворов значение быстроты в военном деле.

Выгодные положения, которых можно достичь, пользуясь скрытностью, исчисляются на войне минутами, часами, в лучшем случае днями, а дальше, если не успеть их развить быстротою действий, противник сумеет парировать наилучше задуманный план действий.

Выйти скрытно на фланг противника и протоптаться на месте полчаса—час значит зачастую проиграть бой. Опоздать выступлением значит иногда испортить все сражение.

Вот почему, по словам Суворова, „одна минута решает исход баталии, один час—успех кампании, один день—судьбы империй“.

Такими короткими промежутками обозначается на войне период счастливых положений, уходящих затем безвозвратно от того, кто их прозевал на минуту, на час, на день, ибо, по выражению того же Суворова, „у фортуны длинные волосы на лбу, а череп голый, пролетела—не поймашь“.

Поэтому, если в одной армии приказание пишется по часу и по два, а в другой отдаются в 15—20 минут, если в одной армии полк для выступления или развертывания требует два—три часа, а в другой час, то вторая всегда будет иметь перед первой крупный плюс во всех своих операциях.

Учитывая это значение и тесную связь правильного замысла операции и быстроты ее выполнения, образно и лаконично изложил Суворов в свое время сущность военного искусства всего в четырех словах: „глазомер“ (т.-е. верный расчет операций), быстрота (исполнения), натиск—победа“.

Вот таким образом те два основных принципа, на которых основывается искусство начальника при вождении им войск. Его глазомер, расчет операции и умение провести ее внезапно для противника—основа успеха. Однако, далеко не один начальник своим талантом решает судьбы сражений, требуются для этого еще и известные качества его подчиненных, его войск, чтобы осуществить в полной мере успех. Отсюда вытекают два следующих необходимых условия победы: а) частная инициатива и взаимная поддержка и б) качество войск.

Принцип частной инициативы и взаимной поддержки.

Полководец, или вообще всякий начальник, ведущий определенную операцию,—не бог, могущий все предвидеть вперед, рассчитать и каждому исполнителю точно указать, когда и что именно он должен делать.

Бывает поэтому в каждом бою целый ряд положений, старшим начальником непредусмотренных, когда нет возможности испросить указаний, да и бесполезно их спрашивать, ибо только находясь именно в данном месте и в данное время, можно правильно судить о положении дел

В таких-то случаях и приходится подчиненному самому принимать решения, беря всецело на себя и всю ответственность за могущие быть последствия. И знает действительно история сплошную цепь примеров, когда даже ошибки старшего начальника исправлялись талантом и находчивостью младших, и наоборот, когда наилучшие планы старшего проваливались из-за ненаходчивости, неспособности или интриг исполнителей.

В том же 1806 году, после блестящего разгрома сильной прусской армии, готовит Наполеон ту же участь слабому русскому вспомогательному корпусу. Обстановка, казалось бы, благоприятствует Наполеону: он выходит на фланг русским, и в то же время в самый разгар операции лишается рассудка главнокомандующий русских Каменский I, отдает ряд абсурдных приказаний, затем бросает армию и уезжает в Россию, не оставив даже заместителя. И, однако, начальники русских дивизий целую неделю работают сами без высшего руководства, успев не только выйти из опасного положения, но и нанести еще поражение корпусу Ланна под Пултуском.

В 1807 г. при Прейсиш-Эйлау главнокомандующий Беннигсен оставляет армию в самую критическую минуту, а частные начальники продолжают бой сами, и вместо поражения русских Прейсиш-Эйлау является первой крупной неудачей Наполеона.

В 1812 г. заведомо гибельный план, составленный прусскими стратегами и утвержденный Александром I, исправляется в исполнении Барклаем и Багратионом, приведя вместо гибели обеих армий порознь к их соединению у Смоленска; обратно: лучшие предначертания Наполеона разбиваются подчас о ненаходчивость и недобросовестность его маршалов.

Не приходит в 1806 г. оторвавшийся слишком на север Мюрат, бездействует одновременно Бернадотт, не идя ни к Иене, ни к Ауэрштедту, непополон успех обоих сражений, и только беспримерное преследование возмещает то, что не было добыто на поле сражения. Совершенно такое же бездействие Бернадотта во время Прейсиш-Эйлау не дает победы Наполеону, а в 1813 г. окончательно сказывается неспособность маршалов к самостоятельной работе, ведущая к проигрышу всей кампании.

В нынешних колоссальных боях, ведущихся на многоверстных фронтах в разбросанных строях, предоставлены сами себе подчас даже взводные командиры, а потому тщательная подготовка и подбор командного состава играют столь огромную роль, что недостатков по этой части не искупить самому талантливому высшему управлению.

Принцип превосходства качества войск над количеством.

Не менее важную роль играет на войне и качество войск, качество той самой массы, которая непосредственно ведет бой.

Теория требует при расчете операций сосредоточения к решительному пункту превосходных сил, но это превосходство ни в коем случае не следует понимать в смысле одного числа. Голое число на войне—совершенно ничтожная данная, ибо „воюют не числом, а умением“, выразился еще Суворов.

Мухтар-паша в войну 1877 г. на азиатском театре, неизменно в своей стратегии выше русских генералов, почти к каждому полю сражения он приводит численно большие силы, но войска его составлены из необученных ополченцев, ибо все лучшее взято на европейский театр, и потому он терпит ряд поражений, совершенно им самим незаслуженных. Таково значение качества войск на войне. А складывается оно всегда из двух данных: из стороны духовной и стороны материальной, сказываюсь и в искусной подготовке войск к войне с обеих этих точек зрения, и в умелом использовании духовной и материальной стороны на самом театре войны и поле сражения.

1. Значение духовной стороны.

Качество войск духовное сказывается в их боевой упругости, стойкости и зависит от их настроения, спайки, подготовки, а главное—правильного воспитания и организации.

История показывает, что огромные толпы воинов, хотя бы и храбрейших, воодушевленных, хорошо вооруженных и искусно владеющих оружием, но не имеющих правильного устройства, всегда уступали в стойкости правильно организованному, дисциплинированному, хотя бы и немногочисленному войскам.

Так, еще на заре истории бьют маленькие армии греков огромные полчища персов. Так, Румянцев и Суворов, имея по 23—26 тысяч войск, бьют 150-и 100-тысячные массы, бешеных в своей отваге и искусных во владении оружием, спагов и янычар.

Так, в египетской экспедиции 1798 г., приглядевшись к отчаянным, сидевшим на отличных конях, превосходно владевшим оружием мамелюкам, Бонапарт сказал: „Два мамелюка справлялись с тремя французами, сто французов не боялись ста мамелюков, триста французов одерживали победу над равным количеством противника, тысяча человек била полторы тысячи“. Продолжая дальше, можно указать, что совершенно небольшая часть французов одолела у Пирамид 30 тысяч этих доблестных, исключительных по своим индивидуальным качествам воинов.

Горсти русских солдат прошли Кавказ, Туркестан, Сибирь, а англичане—Индию, покоря самые храбрые, но неорганизованные племена. То же можно видеть и в европейских войнах. Гамбетта в 1870—1871 г. г. в несколько месяцев создает 700-тысячную армию, но ее части бессильны против значительно уступающих им в числе армий немцев: 150 тысяч французов на Лизене не могут одолеть одного прусского корпуса. Бьет Гинденбург в августе 1914 года 10 русских корпусов силами, по

крайней мере втрое меньшими. Русской армии 1917 г. можно было давать каких угодно начальников и вооружение, все равно она воевать не могла, поскольку ее сознание было против империалистической войны.

Таково значение духовного элемента, о котором Наполеон говорит, что от него зависят $\frac{3}{4}$ успеха на войне.

2. Значение материальной стороны.

Немаловажно, однако, и значение материальных данных. Самые лучшие и одушевленные люди палками против винтовок и пушек драться не могут; они требуют должного вооружения и снабжения, а потому хорошими войсками по качеству не могут считаться войска, плохо снабженные и вооруженные или составленные также из людей слабых в физическом отношении, как бы высоки ни были их организация и настроение. В силу этого при подготовке войск к войне нельзя ограничиваться или даже только увлекаться одной стороной,—необходима равномерно напряженная работа и в духовном, и в материальном направлениях. Однако, и одной такой предварительной подготовки еще совершенно недостаточно для успеха: необходимо умение сохранить духовное настроение войск на самой войне и искусство использовать в полной мере их материальные средства и силы. „Глупому сыну не в помощь богатство“, верно подметил народ. И это народное изречение как нельзя лучше применимо к войне.

Как бы ни были хорошо подготовлены, настроены, организованы войска, какими бы материальными средствами они ни обладали, но есть всегда предел и духовным и физическим силам человека, есть испытания, которых не вынести самой мужественной и физически крепкой человеческой массе, есть вещи непосильные и самой могущественной технике, которая вообще-то грозна только, когда ею умеют искусно пользоваться.

Поэтому лучшие войска можно на войне замотать непосильными трудами и испытаниями, лучшей техники можно не использовать при неумении.

Мало, значит, подготовить в мирное время отличные войска, надо еще уметь на войне к решительному пункту довести людскую массу не только превосходную в числе, но превосходную и по качеству как в смысле духовном, так и в смысле материальном, как в отношении способности драться, так и в отношении умения использовать всю мощь своего вооружения и техники. Иначе побегут перед врагом наилучшие подготовленные в мирное время части, как бегали железные римляне перед воинами Ганнибала, как сдал перед поляками отлично подготовленный Суворовым Суздальский полк, едва во главе его стал другой командир, не сумевший использовать доставшегося ему драгоценного достоинства.